

Проанализированы современные подходы отечественных и зарубежных авторов к правам человека в их международно-правовом измерении. Рассмотрены два наметившихся в последнее время подхода – универсалистский, закрепленный в ряде международно-правовых документов, и цивилизационный, получивший развитие в ряде работ отечественных правоведов и страноведов. Отмечена проблематичность универсалистского подхода к правам, являющегося выражением идей евроцентризма, не учитывающего реалий и многообразия человеческих обществ и рассматривающего западный универсалистский подход к пониманию прав человека в качестве единственно приемлемого.

Ключевые слова: права человека; универсализм; цивилизационный подход.

Борис Александрович Куркин, д-р юрид. наук, профессор, кафедра «Международное право», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Тамбов, Россия; kurkin.boris2012@yandex.ru

Ирина Сергеевна Искевич, канд. юрид. наук, доцент, кафедра «Международное право», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Тамбов, Россия; irina_77707@list.ru

УНИВЕРСАЛИСТСКОЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ПОНИМАНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ*

Прошло 70 лет с момента принятия Всеобщей декларации прав человека. За эти годы четко оформились тенденции в понимании и толковании этого документа, меняющиеся, разумеется, вместе с миром, в котором они действуют или не действуют.

Современная российская правовая теория постоянно подчеркивает универсальную ценность прав человека. Данный тезис изначально был краеугольным камнем либеральной конституционно-правовой идеологии в России. По мнению Е. А. Лукашевой, права человека позволяют «измерять все важнейшие явления и события, происходящие в обществе и в мире»[2, с. 234].

Все демократические правовые системы (и внутригосударственные, и международные), – подчеркивает автор, – выстраиваются вокруг главной универсальной идеи – обеспечения прав человека, в которых выражены основные притязания человека на определенные блага и условия его нормальной жизнедеятельности (свобода, право на жизнь, неприкосновен-

* По материалам Международной научно-практической конференции, состоявшейся в ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет» 29–30 мая 2018 г., «Всеобщая декларация прав человека как правовое условие устойчивого развития государства и общества», посвященная 70-летию Декларации прав человека 1948 года.

ность личности, право собственности, право на свободу совести, мнений, убеждений, достойный уровень жизни и др.). Эти права являются естественными и неотъемлемыми, и от осознания этого факта и реализации прав человека, обеспечивающих его достойную жизнь, зависит устойчивость любой системы (национальной и международной) [2, с. 39].

Таким образом, право, права человека, по Е. А. Лукашевой, являются, с одной стороны, универсальной ценностью, с другой, – являются таковой лишь в рамках демократических, то есть западных, либеральных правовых систем.

Современная российская теория прав человека активно и оперативно реагировала и реагирует на возникновение в современном общественном сознании новых концепций и доктрин, в частности, доктрин «глобализации», устойчивого развития и т.д. Живым примером тому являются работы современных теоретиков права и прав человека, в частности Е. А. Лукашевой, под руководством и при активном участии которой появляются работы, посвященные связи прав человека с вышеуказанными концепциями и доктринами [2, с. 21].

«Глобализация прав человека, – отмечает Е. А. Лукашева, – отражает возрастание и углубление всеобщей зависимости, которая объективно определяется новыми вызовами цивилизации, требующими совместной деятельности людей, преодолевающей государственные, социокультурные, конфессиональные, национальные и иные барьеры. Поэтому глобализация прав человека – это отражение более общей закономерности – процесса мировой глобализации, которая неизбежно ведет к созданию единого правового пространства, где взаимодействие людей, групп и общностей должно осуществляться на основе свободы и прав человека» [2, с. 6].

Координируя взаимодействие людей, права человека обладают незаменимым свойством: они не только ограничивают власть государства, но и делают ее подзаконной [2, с. 6].

Следует выделить в этой связи новый ракурс, под которым ведущие российские теоретики права исследуют феномен прав человека. Этим ракурсом являются идеи «глобализации» и «устойчивого развития». При этом отечественное правоведение выделяет права человека в качестве одного из важнейших факторов, способствующих такому «устойчивому развитию».

Устойчивое развитие, как подчеркивает Е.А. Лукашева, невозможно без обеспечения свободы и автономии личности, по своему усмотрению определяющей способы и сферы своей жизнедеятельности. Эта свобода и ее границы содержатся в правах человека.

Помимо этого, права человека и их реализация, по мнению Е. А. Лукашевой, «маркируют» природу государства. При этом важна связь провозглашенных прав и четко отработанных механизмов, процедур, надежно обеспечивающих их реализацию. Нередко тоталитарные государства провозглашают широкий каталог прав и свобод, однако их реализация не обеспечена. Поэтому только связь двух компонентов – провозглашенных прав и механизмов обеспечения их реализации – свидетельствует о подлинном демократизме государства. И хотя демократия всегда содержит в себе факторы неустойчивости (борьба мнений, различие понятий, противостояние политических партий и группировок), она все же значительно

надежнее обеспечивает стабильность развития, позволяя в той или иной степени отражать, учитывать и примирять все эти различия и противоречия. Демократия, отражая противоречивость мнений и позиций, создавая поле их борьбы, как это ни парадоксально, значительно надежнее обеспечивает стабильность и устойчивость, чем тотальное показное единство, которое неизбежно кончается взрывом и ведет к разрушению антидемократического строя [2, с. 35].

Принцип формального юридического равенства, на котором основаны все права человека, – подчеркивает Е. А. Лукашева, – примиряет противоречивые и разнонаправленные интересы людей, создает своего рода консенсус относительно характера их взаимодействия, объема благ и притязаний, на которые может рассчитывать каждый, определяет роль государства в отношении к правам человека и способам их защиты. Права человека консенсуальны по своей природе, поэтому они играют важнейшую роль в установлении согласия в обществе и обеспечении устойчивости его развития.

Ссылаясь на Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., Е. А. Лукашева отмечает, что этот документ определил права человека как задачу, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства, с тем чтобы обеспечить эти права и свободы, добиться их всеобщего и эффективного признания и осуществления. «Тем самым права человека из внутригосударственной проблемы стали задачей международной значимости, приобрели глобальный, универсальный характер» [2, с. 6].

Вместе с тем в другой работе Е. А. Лукашева пишет, что несмотря на огромную гуманистическую и нравственную сущность прав человека, нельзя не затронуть вопрос и о том, почему «права человека в современном мире – явление не универсальное, а большинство государств мира не являются правовыми (они могут быть авторитарными, тоталитарными, а также лишенными каких-либо четких характеристик» [7, с. 28].

Такой видится одному из ведущих российских правоведов роль прав человека в современном мире.

Эту же тему развивает и О. В. Орлова. Глобализация, по ее мнению, неразрывно связана с правами человека (в том числе политическими), «ибо все то, что составляет основу гражданского общества – создание необходимых условий для удовлетворения всесторонних интересов человека, развитие его физических и духовных сил, – имеет значение не только для отдельных стран, но и всего человечества в целом. Более того, масштабное решение глобальных проблем сегодня – это “шанс” для выживания и прогресса человеческой цивилизации. Однако, как показывает история, невозможно внедрение демократии извне, ибо нельзя силой заставить человека быть свободным» [3, с. 50].

В современной российской правовой теории явно наметился и иной – отличный от универсализма – взгляд на роль, значение и место института прав человека в современной общественно-политической жизни. И порой он присутствует в работах одних и тех же авторов.

«Международно-правовые документы по правам человека, а также конституции европейских демократических государств, – подчеркивает автор, – мы также считаем универсальными образцами, приемлемыми и необходимыми для всех регионов мира» [2, с. 7].

На наш взгляд, государств без «каких-либо четких характеристик» не бывает. К тому же отнесение тех или иных государств к числу «правовых» или «неправовых» требует достаточно четких научных критериев, а таковыми в соответствии с господствующей на Западе и в России либеральной правовой теорией признаются лишь те, что выработаны самой же либеральной политико-правовой теорией. И в силу этого обстоятельства такой критерий нельзя назвать научным. Он может быть лишь субъективным, концептуальным, то есть в достаточной мере произвольным, идеологичным.

Для современной российской правовой теории, теории прав человека характерно и разнообразие методологических подходов к изучению этого института, среди которых все бóльший удельный вес приобретает так называемый цивилизационный (культурологический) подход – в противовес традиционному и формационному.

Так, обосновывая универсальность значения Всеобщей декларации прав человека, Е. А. Лукашева ссылается на то, что как минимум 90 национальных конституций, принятых после 1948 г., содержат перечень фундаментальных прав, которые или воспроизводят положения Всеобщей декларации, или включены в них под ее влиянием. И тут же отмечает, что «традиционное право очень часто оказывает сопротивление новшествам современности и что так называемая “передача” права в силу специфики традиционных культур нередко бывает иллюзорной [2, с. 7–8]. На это обстоятельство обратил внимание и французский исследователь Н. Рулан [11, с. 185].

В этой связи Е. А. Лукашева делает весьма существенную оговорку: оценивая новые тенденции в развитии прав человека, которые выявляются к концу XX в., «следует взвешенно подходить к соотношению европейских “универсальных” стандартов и традиционализма, культуры, религии иных цивилизаций, поскольку прямолинейного пути к утверждению европейских норм и принципов в различных культурах и цивилизациях просто не существует» [2, с. 35].

Аналогичная противоречивость позиции относительно универсальности западного понимания прав человека характерна и для Н. В. Варламовой. Как отмечает автор, «западная идеология естественных и неотчуждаемых прав человека все активнее заявляет претензии на установление таких всеобщих универсальных стандартов социальной организации. И дело здесь отнюдь не в том, что лежащая в ее основе ценность личной свободы сама по себе является общепризнанной и безусловной. Напротив, как справедливо подчеркивают критики европоцентризма, большинство человеческих культур и цивилизаций создали социальные порядки, базирующиеся на принципиально иных установках» [6]. В их основе приоритет самого порядка, воплощенного в той или иной системе моральных или религиозных постулатов, и конституируемой им социальной общности, а не отдельной личности. Данные социальные порядки призваны обеспечивать не индивидуальную свободу, а единение, солидарность, соучастие людей в целях реализации определенных моральных или религиозных ценностей. Однако, как полагает Н. В. Варламова, «претендовать на объе-

дияющую роль в глобализирующемся мире эти порядки не могут, причем не потому, что утверждаемые ими моральные или религиозные ценности хуже, чем личная свобода, а потому, что они исключают все иные ценности, не признавая их таковыми».

Любой моральный или религиозный порядок не допускает существования внутри себя порядка, основанного на иных моральных или религиозных догматах. И, следовательно, утвердившись в качестве глобального социального порядка, снивелирует (поглотит, подавит) все иные формы социальной организации. Идеология же «естественных и неотчуждаемых прав человека в отличие от них предполагает максимально абстрактный и формализованный социальный порядок» [6].

Гарантируя свободу и формальное равенство всех участников социального взаимодействия, данный (правовой) социальный порядок предоставляет им и свободу морального и религиозного самоопределения. Признание личной свободы в качестве основополагающего принципа социальной организации отнюдь не освобождает человека от любых моральных или религиозных обязательств, а просто дает ему возможность самостоятельно выбирать убеждения и соответствующий им образ жизни, требуя при этом уважать аналогичный (в том числе противоположный) выбор других членов общества.

Таким образом, заключает автор, «именно идеология естественных неотчуждаемых прав человека позволяет конституировать социальный порядок, в рамках которого в равной мере (и в определенных пределах, как раз и обеспечивающих их сосуществование) признаются и защищаются различные моральные и религиозные системы социальной регуляции и основанные на них социальные порядки. Глобализация и универсализация социального порядка в масштабах планеты, осуществляемая на таких основах, не повлечет за собой уничтожение культурно-цивилизационного разнообразия человечества и позволит всем народам, вовлеченным в интеграционные процессы, сохранить свою национальную, культурную, религиозную, языковую и т.п. идентичность» [6].

Тем самым признавая многообразие понимания того, что в западной правовой науке понимается в качестве прав человека, автор утверждает универсализм такого понимания и пригодность его для прочих культур, обществ и государств.

Вместе с тем в отечественной науке международного права существует и иная точка зрения на роль Всеобщей декларации прав человека.

Так, С. В. Черниченко полагает, что «Всеобщая декларация прав человека построена на универсальной концепции межгосударственного сотрудничества в области прав человека, а не универсальной концепции прав человека» [10, с. 242].

Действительно, международно-правовое признание права и свободы человека получили уже в XX в., в частности, во Всеобщей декларации прав человека и гражданина 1948 г., Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах от того же года, Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. и др.

В данной декларации отражен «универсалистский» – чисто западно-либеральный подход к правам человека. Но, как отмечает И. Л. Честнов, еще в ходе подготовки проекта Всеобщей декларации прав человека Американской антропологической ассоциацией был подготовлен «Меморандум о правах человека», отражающий иное понимание этой проблемы. В нем, в частности, было записано: «Стандарты и ценности соотносительны с культурами, из которых они происходят, так что любая попытка сформулировать всеобщие постулаты на основе представлений или моральных кодексов одной из культур ограничивает применимость соответствующей декларации прав человека к человечеству в целом... Основопологающее значение должен иметь всеобщий стандарт свободы и справедливости, базирующийся на принципе, согласно которому человек свободен только тогда, когда может жить согласно пониманию свободы, принятому в его обществе» [14, с. 81].

В таком же духе высказывается и Н. А. Ушаков, утверждая, что «нет... и не может быть каких-либо международных стандартов применительно к основным правам и свободам человека, ибо практика государств их не выработала, единообразного понимания существа этих прав и свобод не существует, как не существует и обычно-правовых норм общего международного права, возводящих некую единообразную практику государств на уровень международных обязательств государств по общему международному праву. В рамках Организации Объединенных Наций государства согласовали содержание ряда универсального характера международных договоров, касающихся их взаимных обязательств в пользу индивидов, проживающих на их территории, в том числе два пакта об основных правах человека. Но такие пакты становятся обязательными только для государств-участников этих договоров, то есть для тех государств, которые их ратифицировали. А всеобщего такого участия отнюдь не наблюдается. Кроме того, пакты предусматривают определенный механизм разрешения споров между государствами-участниками по поводу возможного несоблюдения ими своих международных обязательств. Вне этого механизма государства-участники не могут прибегать к мерам давления или принуждения друг против друга. И тем более не могут требовать соблюдения неких не существующих международных стандартов применительно к государствам, не участвующим в пактах» [12, с. 41].

В отечественной литературе обращается внимание и на невозможность трактовки прав и свобод человека как высших, абсолютных ценностей, не подлежащих никаким ограничениям. Например, А. Ф. Черданцев отмечает, что права и интересы человека, гражданина фактически не ставятся выше интересов общества. Это вытекает из конституций самих правовых государств. Осуществление прав и свобод каждого отдельного человека ограничивается в первую очередь правами другого человека. Их осуществление, как сказано, например, в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, не должно нарушать права и свободы других лиц.

Наличие разных подходов к проблематике прав человека восходит к полемике, развернувшейся в российском обществоведении между сторонниками формационного и цивилизационного подходов к изучению государства, права и прав человека. Дискуссия на эту тему развернулась

в российском обществоведении в конце 80-х годов XX века и была обусловлена недостаточностью, по мнению ряда теоретиков, формационного подхода к изучению указанных феноменов человеческой культуры [13].

Против теории «универсализации» прав человека, якобы одинаково пригодных для населения всей планеты, резко возражал и академик Н. Н. Моисеев. По его мнению, это является такой же иллюзией, как и представление о возможности однозначной интерпретации представлений о «добре». Попытка унифицировать понятие прав человека говорит лишь о незрелости нашей планетарной цивилизации или, лучше сказать, цивилизаций, непонимании того общего процесса самоорганизации, которым определяется развитие общества.

«Возможность глобальной стандартизации прав человека исключена, поскольку она не учитывает характера той цивилизации, в которой человек воспитан, те тысячи поколений, которые адаптировали свои правила жизни к тем условиям, которые определила окружающая их природа» [9, с. 104 – 109].

Сходную позицию занимает и О. В. Орлова, полагающая, что права человека являются исключительно достоянием западного мира. «Что же касается традиционных (то есть религиозных) цивилизаций, – как отмечает она, – то для них права человека в европейском понимании – пустой звук. Если даже они и не отрицают права человека и его свободу, то понимают их несколько по-иному. Тем не менее именно права человека, в первую очередь политические, составляют суть гражданского общества. И неслучайно они получили статус международно-правового стандарта для государств, обязавшихся признавать и соблюдать основные права и свободы человека» [3, с. 50].

Права человека, продолжает Е. А. Лукашева, – главный ориентир и высшая ценность, которыми должно руководствоваться государство. Обеспечение прав человека – обязанность законодательной, исполнительной, судебной властей. «Если эта обязанность соблюдается, общество может быть охарактеризовано как стабильное и устойчивое, если государство пренебрегает ею, в обществе создается напряженность, образуется угроза его устойчивому развитию».

Такой видится ведущим российским правоведам роль прав человека в современном мире, и современная российская конституционно-правовая теория постоянно подчеркивает универсальную ценность прав человека. Этот тезис изначально был краеугольным камнем либеральной конституционно-правовой идеологии в России, покоящейся на идее европоцентризма.

Такому видению проблемы в известной мере противостоят отечественные юристы, занимающиеся исследованием проблем прав человека в рамках иных – не-европейских культур и цивилизаций.

Страноведческие исследования отечественных юристов в области прав человека являются неким «боковым ветвлением» теории прав человека, ветвлением вполне самостоятельным и зачастую не вписывающимся в общие рамки развиваемой конституционализмом теории прав человека. Вместе с тем они являют собой не столько четко обозначившуюся тенден-

цию в развитии этой теории, сколько немаловажный симптом, делающий необходимым известную коррекцию российской теории, по крайней мере, в плане утверждения и признания универсализма либеральной концепции прав человека.

Отметим, что ряд отечественных теоретиков занимает весьма противоречивую позицию, признавая одновременно универсальность прав человека в том виде, в каком они были разработаны на Западе, а с другой, – признавая необходимость культурологического, цивилизационного подхода к изучению восприятия идей прав человека в восточных культурах. Такая противоречивая, на наш взгляд, позиция характерна и для работ И. А. Ледях [1, с. 214].

Вместе с тем в современной российской правовой теории явно намечился и иной – отличный от универсализма – взгляд на роль, значение и место института прав человека в современной общественно-политической жизни.

Тема об «универсальности» идеи прав человека подвергается в отечественной правовой литературе весьма существенной ревизии, и будущее отечественной теории прав человека зависит во многом от того, насколько чутко будут ее представители реагировать на конкретные историко-философские и культурологические исследования в данной области.

Следует констатировать, что воззрение на права человека как на универсальную ценность, приемлемую для всех стран и народов, по-прежнему остается доминирующим в российской правовой теории.

Вместе с тем в российской правовой науке все более отчетливо прослеживается и противоположная тенденция к выявлению особых специфических свойств правопонимания, а также понимания и интерпретации прав человека в не-европейских культурах, что ставит под сомнение саму идею универсализма либеральной концепции прав человека.

Список литературы

1. **Ледях И. А.** Права человека и международное гуманитарное право // Права человека. Итоги века, тенденции, перспективы / Рук. авт. коллектива чл.-корр. РАН Е. А. Лукашева. М.: НОРМА, 2002. С. 214 – 248.
2. **Лукашева Е. А.** Права человека, политика, мораль: гл. 9. В кн. Права человека / под ред. Е. А. Лукашевой. М.: НОРМА, 1999. С. 254 – 293.
3. **Орлова О. В.** Права и свободы личности как субъекта политической жизни // Государство и право. 2007. № 7. С. 50 – 56.
4. **Права человека.** Итоги века, тенденции, перспективы / Рук. авт. коллектива чл.-корр. РАН Е. А. Лукашева. М.: НОРМА, 2002.
5. **Права человека и процессы глобализации современного мира** / Рук. авт. коллектива чл.-корр. РАН Е. А. Лукашева. М.: НОРМА, 2005.
6. **Колотова Н. В.** Право и права человека в условиях глобализации (научная конференция) // Государство и право. 2006. № 2. С. 105 – 120.
7. **Права человека: учебник** / отв. ред. Е. А. Лукашева. 2-е изд. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2011. 560 с.
8. **Каламкарян Р. А.** Права человека в России: декларации, нормы и жизнь (материалы Международной конференции, посвященной 50-летию Всеобщей декларации прав человека) // Государство и право. 2000. № 3. С. 37 – 50.

9. **Моисеев Н. Н.** Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. 228 с.
10. **Россия** и Совет Европы: 5 лет вместе: Междунар. конф. (Москва, 15 – 17 мая 2001 г.). М.: Норма, 2001.
11. **Рулан Н.** Юридическая антропология: пер. с фр. М.: Норма, 1999. 310 с.
12. **Ушаков Н. А.** Государство в системе международно-правового регулирования: учеб. пособие / Акад. правовой ун-т при Ин-те государства и права РАН. М.: Ин-т государства и права РАН, 1997. 62 с.
13. **Формация** или цивилизация?: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 34 – 59.
14. **Честнов И. Л.** Универсальны ли права человека? (Полемические размышления о Всеобщей декларации прав человека) // Правоведение. 1999. № 1. С. 73 – 82.

References

1. **Ledyakh I.A.** *Prava cheloveka. Itogi veka, tendentsii, perspektivy* [Human Rights. Results of the century, trends, prospects], Moscow: NORMA, 2002, pp. 214-248. (In Russ.)
2. **Lukasheva Ye.A.** *Prava cheloveka* [Human Rights], Moscow, 1999. (In Russ.)
3. **Orlova O.V.** [Rights and freedoms of an individual as a subject of political life], *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2007, no. 7, pp. 50-56. (In Russ.)
4. **Lukasheva Ye.A.** (Ed.) *Prava cheloveka. Itogi veka, tendentsii, perspektivy* [Human rights. Results of the century, trends, prospects], Moscow: NORMA, 2002. (In Russ.)
5. **Lukasheva Ye.A.** (Ed.) *Prava cheloveka i protsessy globalizatsii sovremennogo mira* [Human rights and globalization processes of the modern world], Moscow: NORMA, 2005. (In Russ.)
6. **Kolotova N. V.** *Pravo i prava cheloveka v usloviyakh globalizatsii (nauchnaya konferentsiya)* [Law and human rights in the context of globalization (scientific conference)], *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2006, no. 2, pp. 105-120 (In Russ.)
7. **Lukasheva Ye.A.** (Ed.) *Prava cheloveka* [Human Rights], Moscow: NORMA, 2011, 560 p. (In Russ.)
8. **Kalamkaryan R.A.** *Prava cheloveka v Rossii: deklaratsii, normy i zhizn': materialy Mezhdunar. konf., posvyashchennoy 50-letiyu Vseobshchey deklaratsii prav cheloveka* [Human rights in Russia: declarations, norms and life: materials of the International Conference, dedicated to the 50th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights], *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2000, no. 3, pp. 37-50. (In Russ.)
9. **Moiseyev N.N.** *Sud'ba tsivilizatsii. Put' razuma* [The fate of civilization. The path of reason], Moscow, 1998, 228 p. (In Russ.)
10. **Rossiya i Sovet Yevropy: 5 let vmeste** [Russia and the Council of Europe: 5 years together], *Mezhdunar. konf.* Moscow, 2001. (In Russ.)
11. **Rulan N.** *Yuridicheskaya antropologiya* [Legal Anthropology], Moscow, Norma, 1999. 310 p. (In Russ.)
12. **Ushakov N.A.** *Gosudarstvo v sisteme mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya* [The state in the system of international legal regulation], Moscow, 1997, 62 p. (In Russ.)
13. **Formatsiya ili tsivilizatsiya?: materialy «kruglogo stola»** [Formation or civilization?: materials of the “round table”], *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1989, no. 10, pp. 34-59 (In Russ.)
14. **Chestnov I.L.** [Are human rights universal? (Polemic thinking about the Universal Declaration of Human Rights)], *Pravovedeniye* [Jurisprudence], 1999, no. 1, pp. 73-82. (In Russ.)

Universalistic and Civilizational Understanding of Human Rights in Modern Legal Doctrine

B. A. Kurkin, *Doctor of Law, Professor,
Department of International Law, Tambov State Technical University,
Tambov, Russia;
kurkin.boris2012@yandex.ru*

I. S. Iskevich, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Department of International Law, Tambov State Technical University,
Tambov, Russia;
irina_77707@list.ru*

The article analyzes modern concepts of domestic and foreign authors concerning human rights in the context of international law. It addresses the two recently outlined approaches to the problem – a universalist one, confirmed in a number of international legal documents and a civilizational one, developed in several works of domestic legal scholars and country experts. The author notes a problematic basis of the universalist approach to human rights as reflecting the Eurocentric ideas that are leaving out realities and diversity of human societies and consider the western universalist concept of human rights as the only one acceptable.

Keywords: human rights; universalism; civilizational concept.

© Б. А. Куркин, 2019
© И. С. Искевич, 2019

Статья поступила в редакцию 30.05.2018

При цитировании использовать:

Куркин Б. А., Искевич И. С. Универсалистское и цивилизационное понимание прав человека в современной правовой доктрине // *Право: история и современность.* 2019. № 2. С. 102 – 111. doi: 10.17277/pravo.2019.02.pp.102-111